

12 2015

ISSN 0132-1625

СОЦИОЛОГИЯ

“Самодостаточные”
россияне – новый тренд

Моральная деградация
общества или ценностный
разрыв?

Кто считает себя счастливым?

Прекаризация
российского
общества

Общество без
социологии или
социологи без общества

СОЦИС

Журнал основан
в июне 1974 года

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

- 4 ГОРШКОВ М.К., СЕДОВА Н.Н. "Самодостаточные" россияне и их жизненные приоритеты
16 ТИХОНОВА Н.Е. Явные и неявные последствия экономических кризисов для россиян
28 ПЕТУХОВ В.В. Российская трансформация и общественная мораль

ТЕОРИЯ. МЕТОДОЛОГИЯ

- 41 СИМОНЯН Р.Х. Общество без социологии или социологи без общества
51 КИРДИНА С.Г. Методологический институционализм и мезоуровень социального анализа

СОЦИОЛОГИЯ СЕЛА

- 60 НЕФЕДОВА Т.Г., ПОКРОВСКИЙ Н.Е., ТРЕЙВИШ А.И. Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности
70 ДЕНИСЕНКО М.Б., НИКОЛАЕВА У.Г. Что происходит с сельским населением на ближнем севере России? (на материале Костромской области)
82 ВИНОГРАДСКИЙ В.Г. Крестьянский мир в дискурсе поколенческой печали
91 ЕВДОКИМОВА Т.Г. Ценности и ценностные ориентации сельского населения России

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- 99 ШКАРАТАН О.И., КАРАЧАРОВСКИЙ В.В., ГАСЮКОВА Е.Н. Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013)
111 СОКОЛОВА Г.Н. Механизмы адаптации белорусского рынка труда к структурным изменениям экономики
-

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

- 120 КОЗЫРЕВА П.М., НИЗАМОВА А.Э., СМИРНОВ А.И. Счастье и его детерминанты (статья 1)
- 133 ЯРСКАЯ В.Н., ЯРСКАЯ-СМИРНОВА Е.Р. Инклюзивная культура социальных сервисов

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 141 АРЕФЬЕВ М.А., ДАВЫДЕНКОВА А.Г. Обсуждение социальных проблем российского села
- 142 АДАМЬЯНЦ Т.З. Семиосоциопсихологическая концепция социальной коммуникации в социальном познании (материалы “круглого стола”)
- 145 **КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ** (рецензируются книги: Россия и Китай: молодежь XXI века. М., 2014. **Рец. А.Л. Андреев, Е.Г. Гешева**; Sasaki M., Goldstone J., Zimmermann E., Sanderson S.S. (eds) Concise Encyclopedia on Comparative Sociology. Leiden, Boston, 2014. **Рец. А.В. Резаев, В.С. Стариков, Н.Д. Тругубова**; Малахов В.С. Интеграция мигрантов: концепции и практики. М., 2015. **Рец. Э.К. Бийжанова**; An introduction to social entrepreneurship voices, preconditions, contexts / Ed. by *Rafael Ziegler*. MA, 2009. **Рец. А.А. Атанасова**; Божков О.Б. Социология. Курс лекций. СПб., 2015. **Рец. И.В. Попова**)

157 ЖУРНАЛЬНЫЙ ГИД

162 УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ ЗА 2015 ГОД

IN MEMORIAM

171 КУГЕЛЬ С.А.

172 CONTENTS. SUMMARIES

КНИГИ, ПРИСЛАННЫЕ В РЕДАКЦИЮ (2-я стр. обл.)

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ (4-я стр. обл.)

При подготовке направляемых в журнал статей просим руководствоваться правилами, указанными на сайте журнала (<http://www.isras.ru/socis.ru>) или на 2-й стр. обложки журнала в № 1 и № 6. Статьи присылать по электронной почте (socis@isras.ru) в формате *.doc и обязательно три печатных экземпляра на адрес редакции. Авторы **несут ответственность** за подбор и достоверность приведенных данных.

Решение о публикации принимается в течение **2-х месяцев** со дня регистрации рукописи. Принятие решения о соответствии/несоответствии поступивших статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой редколлегии и редакции журнала. На основе рецензирования редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только после разрешения редакции. Ссылка на источник обязательна.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителей, редколлегии и редакции.

Полнотекстовые версии статей выставляются в свободном доступе на <http://www.isras.ru/socis.html> через три месяца после выхода печатной версии.

По возникающим вопросам обращаться по телефону редакции: +7 (499) 128-84-39 или писать на электронный адрес редакции: socis@isras.ru

Экономическая социология

© 2015 г.

О.И. ШКАРАТАН, В.В. КАРАЧАРОВСКИЙ, Е.Н. ГАСЮКОВА

ПРЕКАРИАТ: ТЕОРИЯ И ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ (на материалах опросов в России, 1994–2013)

ШКАРАТАН Овсей Ирмович – доктор исторических наук, ординарный профессор (ovsey@hse.ru); КАРАЧАРОВСКИЙ Владимир Владимирович – кандидат экономических наук, доцент (vvk@hse.ru); ГАСЮКОВА Елена Николаевна – магистр экономики, стажёр-исследователь (egasyukova@hse.ru); авторы – сотрудники Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”, Москва, Россия.

Аннотация. Статья посвящена изучению прекариата и процессов прекаризации в российском обществе. Раскрыты деформация структуры занятости в постиндустриальной экономике и условия возникновения прекариата в России. На основе индикаторов предложена теоретическая схема выявления прекариата в социальной структуре. На эмпирических данных за период 1994–2013 гг. даётся оценка численности прекариата и его сравнение с другими социальными группами российского общества. Делается вывод о том, что, несмотря на постепенное ослабевание условий, которые могли бы стимулировать процессы прекаризации, к зоне риска можно отнести порядка 27% населения России.

Ключевые слова: прекариат • прекаризация • социальная структура • рынок труда • занятость • нестандартная занятость

Прекариат как проявление деформации структуры занятости в постиндустриальной экономике

Глобализационные процессы и превалирование неолиберальной парадигмы редуцировали стабильность занятости, выдвинув на передний план идею гибкости трудовых отношений [Ross, 2015:102]. Эти изменения начали приводить к кризису трудовых отношений, который все чаще называют *прекаризацией занятости*. М. Кастельс, анализируя эти противоречивые явления, еще в 1980-е гг. пришел к выводу о том, что в мире складывается новая форма капитализма, более жесткая в своих целях, но более гибкая в средствах [Кастельс, 2000]. Транснациональные компании опираются на информационных работников, представляющих узкий элитарный слой, большинство же других трудящихся оказываются в положении, когда их можно заменить автоматизацией и/или нанятыми/уволенными/офшорными рабочими. Одновременно разворачивается процесс нисхождения основных слоев традиционного среднего класса. В связи с этим в 1998 г. П. Бурдьё ввёл термин “*flexploitation*”¹, характеризую-

---

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-03-00720а) с использованием средств Программы “Научный фонд НИУ ВШЭ” (проект № 15-09-0260) в 2015 г.

¹ “Flexploitation” – “гибкая эксплуатация”, образовано от “flexibility” (гибкость – *англ.*) и “exploitation” (эксплуатация – *англ.*).

щий новую форму управления рабочими ресурсами в условиях гибкой занятости и ориентации работодателей на снижение издержек [Bourdieu, 1998]. Позднее З. Бауман обратил внимание на то, что в современном мире формируется *общество одной трети* благополучных людей, обеспечивающих товарами и услугами всё население [Бауман, 2002: 195].

В рамках исследования Европейской комиссии по прекаризации занятости был выведен набор характеристик, демонстрирующий особенности прекаризации в различных европейских странах [McKay, 2012]. Так, в Германии при рабочей силе, оцениваемой в 43,4 млн человек (2010), 7,7 млн трудились на вакансиях с нестандартной занятостью². Сходный характер прекаризации оказался присущ Франции и Нидерландам. Процессы прекаризации коснулись и страны с традициями пожизненного найма работников – Японии. По версии Financial Times, около 40% работников в Японии заняты на низкооплачиваемых вакансиях с гибким графиком труда, они-то и составляют прекариат [Pilling, 2014]. Г. Стэндинг дает близкую оценку – он отнёс прекариату в Японии около половины японских женщин и 1/5 мужчин (2008). Схожим образом обстоят дела в Южной Корее [Standing, 2011: 61].

В России по результатам анализа данных RLMS-HSE (20-я волна мониторинга) были выделены 3 группы населения с разной степенью неустойчивости занятости; к первой группе с наиболее высокой неустойчивостью занятости были отнесены порядка 6% наёмных работников, ко второй с умеренной неустойчивостью занятости – свыше 50% [Занятость..., 2014: 25].

Возникновение условий для формирования прекариата в России

За крахом советской системы трудовых отношений, когда за каждым членом общества было закреплено гарантированное рабочее место, соответствующее полученному образованию и квалификации, последовала осуществлявшаяся в кратчайшие сроки массовая приватизация. В течение 1992–1999 гг. было приватизировано более 133,2 тыс. различных предприятий и объектов [Шкаратан, 2012: 348]. Приватизация ознаменовала отказ от гарантий занятости и переход к новым рыночным правилам игры, к которым многие работники не были готовы. *Кризис занятости, который сегодня мы называем прекаризацией трудовых отношений, стал проявляться на первых порах существования новой России и сохранился в модифицированной форме в наши дни*³.

Низкие показатели официальной безработицы начала 1990-х гг. не отражали всю глубину кризиса занятости. По данным, рассчитанным по методологии МОТ [Супян, 1995], численность полностью безработных на конец 1994 г. составила 5,3 млн чел., или 7,1% экономически активного населения. Масштабы частичной безработицы, т.е. численность не полностью занятых на производстве в силу объективных причин, составила 4,8 млн человек (6,4%). Таким образом, общий потенциал безработицы в стране можно было оценить в более чем 10 млн чел. (13,5%)⁴, ежемесячно 20–30% работающих находились в вынужденных неоплачиваемых отпусках.

Люди старались держаться за рабочие места даже в случае выплат мизерных заработных плат, поскольку обычно предприятие являлось для трудящихся не только

² По другим оценкам, две трети германских работников имели стабильную занятость в 2006 г. [Mansel, 2010].

³ В одной из своих колонок Г. Стэндинг сравнил текущее положение прекариата с “ужасами” в сфере занятости в 1990-х гг. в России [Standing, 2013].

⁴ В июле 1999 г. безработица в России, исчисляемая по методологии МОТ, достигла рекордно высокого уровня – 14,2% экономически активного населения.

источником дохода, хоть и небольшого, но каналом получения тех или иных социальных благ [Standing, 1996: 233; Шкаратан, 2003: 8–11].

В начале 1992 г. заработков по основному месту работы не хватало 68% работающих. Пик падения был достигнут в 1993–1994 гг., когда недостаточной свою заработную плату считали 83–87% работающего населения. Согласно данным Росстата РФ, за чертой бедности в 1992 г. находились 49,7 млн чел. (33,5% от общей численности россиян) [Шкаратан, Ильин, 2006: 145].

Впоследствии численность тех, чьи денежные доходы были ниже величины прожиточного минимума, постепенно снижалась (за исключением конца 1990-х гг.). Тем не менее наступивший реальный экономический рост 1999–2005 гг. не переломил ситуацию с массовой бедностью россиян [Шкаратан, Ильин, 2006: 140]. Более того, появились признаки формирования отдельной прослойки бедных, отличающейся специфическими чертами поведения. Эти люди стали привыкать жить в условиях бедности, приняли за собой статус низших слоёв общества и отказались от борьбы за поиск работы и улучшение материального положения [Чернина, 1994: 60; Чернина, 1996]. Активные же слои населения вынуждены были соглашаться на неформальные условия труда и на любую работу в ущерб профессиональным интересам⁵.

Эти процессы стали предвестником распространения прекаризации труда в России. Люди, попавшие в ситуацию кризиса занятости в 1990-е гг., впоследствии при нахождении работы имели большие шансы вновь оказаться в ситуации кризиса занятости [Шкаратан и др., 2003].

Признаки прекариата как социального слоя

Вопрос критериев идентификации прекариата в России остаётся пока нерешённым, поскольку “неопределённость кристаллизуется в различных точках сферы наёмного труда” [Голенкова, Голиусова, 2013: 13]. Как точно показал Ж.Т. Тощенко, признаками прекариата обладают очень разные социальные группы: трудоспособное население, занятое “постоянно на временной работе”, занятые заемным трудом, мигранты, стажёры и часть студенчества, безработные и даже часть представителей креативного класса, работающих на условиях фриланса [Тощенко, 2015: 4–5]. Поэтому начиная исследование прекариата в России, прежде всего, мы считаем целесообразным предложить один из возможных наборов таких критериев с их операционализацией.

Трудовое положение прекариев, по мнению большинства исследователей [Бизюков, 2014; Гришнова, Бринцева, 2013; Стэндинг, 2014; Jonsson, Nyberg, 2010; Tucker, 2002; Frase, 2013; McKay et al., 2012], характеризует “*нестабильность занятости*” или *отсутствие “гарантий занятости”*. Под “гарантией занятости” обычно понимается защита работника от самовольных увольнений, регулирование процесса найма и увольнения, а низкий уровень гарантий связывается с трудовыми отношениями, скреплёнными временными, срочными и другими нестандартными трудовыми контрактами [From precarious..., 2012; Стэндинг, 2014: 26].

Отдельно мы выделяем признак “*нестабильности содержания труда*”, который выражается в том, что прекарии часто вынуждены не только менять работу, но и сферу деятельности, соглашаясь на любую низкоквалифицированную работу: “они крутятся” [Бизюков, 2014].

Как правило, прекарии узавлены материально, поэтому *нестабильность среднемесячной заработной платы и дохода* также составляет признак, по которому

⁵ Хотя большинство тех, кто имел какие-то подработки, все равно оказывались за чертой бедности (1994) [Коммандер, Емцов, 1998: 211].

можно идентифицировать прекариат. Материальное положение прекариев мы определяем через *варьирование дохода от минимального уровня, характерного для культуры бедности, до медианного уровня в определённой территориальной общности*. Как и в иных методиках, доказавших свою релевантность (Евростат, ОЭСР), мы используем “медианный подход” измерения благосостояния, т.е. ограничиваем доход прекариев медианным уровнем⁶. Нами используется модифицированный депривационный подход, когда анализируется не возможность поддерживать минимально приемлемый в данном обществе образ жизни, а считающийся *привычным для данной группы населения стиль жизни*. При этом группа хронических бедных, которая в России уже сформирована [Слободенюк, 2014; Шкаратан, 2004; Тихонова, 2014; Лыткина, 2011], не тождественна прекариату, а представляет собой лишь его *социальное дно*.

Другой признак прекариата – *отсутствие “подушки безопасности”* (имущество, недвижимость, финансовые активы и др.), которая могла бы временно возместить материальные трудности в критических ситуациях. Этот же признак выделяется и зарубежными авторами (см., напр.: [Savage, 2013]).

Следующий признак – *“доступность социальных ресурсов”*, показывающий, как люди страхуют себя от непредвиденных материальных трудностей или проблем с трудоустройством через реципрокные обмены и взаимопомощь [Шкаратан и др., 2003; Плюснин, 2013; Барсукова, 2004; Роуз, 2002].

Большинство исследователей прекаризации трудовых отношений пишут о бесправности положения прекариев (см., напр.: [From precarious..., 2012; Голенкова, Голиусова, 2015: 50]). Мы выделяем признак *“низкой позиции прекария во властной иерархии компании”*, когда у определенного слоя работников отсутствует организационный ресурс для отстаивания своих прав. Мы также учитываем принадлежность работников к общественным структурам или местным сообществам, которые могут оказать содействие в случае возникновения проблем или трудовых конфликтов. Таким образом, обобщив два параметра, мы вводим признак *низкой позиции прекариата во властной иерархии общества и компании/организации*.

Если работа человека не получает признания в обществе и не соответствует общепризнанным социальным стандартам, такая работа может расцениваться как прекариальная [Social justice..., 2010: 1]. Ряд авторов рассматривают прекаризацию не только как комплексную характеристику жизнедеятельности трудящихся, но и как онтологический опыт [Butler, 2004; Neilson, Rossiter, 2008]. Антрополог К. Миллар, например, пишет о том, что обычно исследователи прекариата обращаются к изучению воздействия нестабильности занятости на жизнь человека (см., напр.: [Mansel, Heitmeyer, 2010; Bourdieu, 1998: 83]), в то время как для определённых прослоек населения наблюдается обратная связь: условия и стиль жизни дестабилизируют положение работника на рынке труда [Millar, 2014]. Поэтому мы считаем важным обратиться к опыту человека, его референтным группам и ценностным ориентирам, выделяя критерий *привычного стиля жизни и самоидентификации* человека в обществе и на рынке труда.

Наконец, прекаризация как процесс, затрагивающий все стороны жизни человека, формирующий и особую “культуру”, и психологическое состояние [Neilson, 2015], может быть идентифицирован только на длительных промежутках времени. По аналогии с выявленным Н. Тихоновой периодом в 5–7 лет маргинализации и люмпенизации в России [Тихонова, 2003], мы вводим параметр *длительности пребывания в условиях нестабильности*, от 5 лет и более.

---

⁶ При определении относительной линии бедности Евростат использует 60%-ный порог медианного дохода, ОЭСР – 50%-ный порог.

Прекариат и прекарнизация в российском обществе: опыт эмпирического анализа⁷

Прекарнизация как макросоциальное явление. Прекарнизация – опасный процесс распространения социальной ситуации прекариата на всё более широкие слои общества, меняющий его облик как целого. С этой точки зрения мы проанализировали динамику российского общества с 1994 по 2013 гг., оценивая выраженность свойственной прекариату совокупности характеристик у работающего населения (табл. 1). При наличии определенных признаков прекарнизации у отдельных групп населения, на макроуровне распространения этого процесса не наблюдается. Напротив, можно говорить о наличии обратной динамики: снижение общего уровня опасений потерять работу, увеличение у населения социального капитала, позволяющего решать проблему занятости, общий рост благосостояния и повышение уровня субъективной оценки населением своей жизни.

Действительно, среднее значение ответов на вопрос “Опасаетесь ли вы потерять работу?” (5-балльная шкала) снизилось за исследуемый период с 2,95 до 2,42 ($t = -10.055$), сохранив, однако, промежуточное положение между вариантами ответов “скорее нет, чем да” (2 балла) и “трудно сказать” (3 балла). Среднее значение величины социального капитала (шкала от 0 до 3 баллов) за период 2006–2013 гг. заметно выросло с 1,19 до 2,02 оценочных баллов ($t = 35.537$). Показатель представлял собой сумму следующих возможностей за счет знакомств: найти работу, найти финансовую помощь или жильё, занять деньги. В течение всего периода плавно росла оценка благосостояния семей. В 1994 г. в среднем благосостояние оценивалось как промежуточное между позициями “едва сводим концы с концами” и “денег хватает только на еду” (среднее 1,71 балл). К 2013 г. оценка выросла до 3,33 баллов ($t = 28.752$), что соответствует промежуточному положению между позициями “денег хватает на продукты и одежду” и “не без труда, но можем приобретать вещи длительного пользования”. Рост уровня благосостояния заметен и по показателю отношения заработной платы к прожиточному минимуму. Если в 2002 г. это отношение в среднем составляло 0,9 раз, то в 2013 г. – 2,33 раза, при этом доля тех, у кого зарплата превышает прожиточный минимум в 5 раз и более, выросла с 6,9 до 13,3%.⁸ Наконец, оценка респондентами качества собственной жизни по шкале от 1 до 5 баллов (“очень плохо – очень хорошо”) выросла с 2,77 до 3,53 баллов ($t = 25.536$). Интересно, что эта оценка статистически сопоставима с оценкой, которую давали респонденты в 1994 г., отвечая на вопрос о качестве своей жизни 5–10 лет назад (т.е. оценивая свою жизнь в середине 1980-х гг.) и даже несколько превышает её. Люди приравнивают качество жизни, достигнутое в 2000-е гг., к качеству жизни в поздний советский период.

Таким образом, мы не можем говорить о сколько-нибудь прогрессирующих процессах прекарнизации, идущих в российском обществе. Вместе с тем, нельзя не отметить и тот факт, что слой прекариата в России существует, причем в зоне риска оказываются достаточно большие слои населения.

⁷ Анализ базируется на данных четырех представительных опросов, проводившихся с целью изучения социальной стратификации в постсоветской России под руководством проф. О.И. Шкаратана. Репрезентируемой генеральной совокупностью являлось взрослое население в возрасте от 18 лет. Первый сбор данных проводился в январе–феврале 1994 г. Институтом социологии РАН при поддержке Правительства РФ. Три последующих волны опроса проводились на федеральной сети Центра социального прогнозирования и маркетинга в ноябре–декабре 2002, 2006 и 2013 гг. и были финансово поддержаны РГНФ (проекты №№ 02-03-18118е, 06-03-18010е и 13-03-18021е).

⁸ Использовалась величина прожиточного минимума по стране в целом (без учёта различий по регионам), установленная на IV квартал в соответствующем году. В качестве меры заработной платы использовалась оценка респондентом её средней величины за последние 3 месяца к моменту опроса.

Таблица 1

Оценка выраженности процессов прекаризации в российском обществе 1994–2013 гг.¹

Показатель	Шкала ²	Год опроса				Тест ³
		1994 (N=1418)	2002 (N=1930)	2006 (N=2274)	2013 (N=1550)	
Нестабильность занятости						
Уровень опасений потерять работу	(+) 1..5	2,95(1,53)	—	—	2,42(1,34)	-10,055 [†] (t _{1994,2013})
Нестабильность доп. заработка в свободное время	(+) 1..3	2,79(0,61)	2,78(0,50)	2,72(0,55)	2,73(0,54)	-3,015 ⁻ (t _{1994,2013})
Безработные в ближайшем окружении	(+) 1..3	1,69(0,75)	—	—	1,70(0,73)	0,525 (t _{1994,2013})
Организационный ресурс⁴						
Возможность:						
— определять цели и задачи своего отдела	(-) 1..3	2,48(0,71)	2,48(0,74)	2,44(0,71)	—	0,462 (F)
— своей организации	(-) 1..3	1,44(0,82)	1,66(0,82)	1,86(0,84)	—	8,803 [†] (F)
— получать полную информацию о своей организации	(-) 1..3	2,28(0,81)	2,29(0,81)	2,29(0,76)	—	0,101 (t _{1994,2006})
— нанимать и увольнять людей в своей организации	(-) 1..3	1,73(0,85)	1,83(0,89)	1,88(0,87)	—	2,923 [†] (F)
— определять зарплаты в своей организации	(-) 1..3	2,46(0,70)	1,90(0,84)	1,93(0,86)	—	-10,022 [†] (t _{1994,2006})
Участие в работе в НКО, в т.ч. профсоюзов	(-) 1..5	—	1,24(0,78)	1,23(0,73)	1,30(0,78)	2,295 ⁻ (t _{2002,2013})
Социальный ресурс						
Способность решать проблемы за счет социальных связей	(-) 0..3	—	—	1,19(0,58)	2,02(0,72)	35,537 [†] (t _{2006,2013})
Финансовые ресурсы						
Доля тех, кто владеет акциями или облигациями компаний		25,4%	7,4%	6,9%	2,5%	
Доля тех, кто имеет долевое участие в капитале компаний		9,0%	5,0%	5,8%	4,4%	
Отношение ср. зарплаты за посл. 3 месяца к прожит. мин. по стране ⁵		—	0,90(0,57)	2,03(1,10)	2,33(1,00)	30,470 [†] (F)
Доля тех, у кого данное отношение ≥ 5 раз		—	6,9%	11,6%	13,3%	
Отн. доходов за посл. мес. на 1 члена семьи к прожит. мин. по стране ⁵		—	1,16(0,81)	1,60(0,98)	—	
Доля тех, у кого данное отношение ≥ 5 раз		—	2,7%	3,3%	—	
Оценка благосостояния семьи	(-) 1..5	1,71(0,81)	2,52(0,85)	2,49(0,84)	3,33(0,90)	8,500 [†] (t _{2002,2006})
Социальная самооценка						
Собственная жизнь сегодня	(-) 1..5	2,77(0,85)	—	—	3,53(0,76)	25,536 [†] (t _{1994,2013})
Собственная жизнь 5–10 лет назад	(-) 1..5	3,49(0,78)	—	—	3,50(0,77)	0,271 (t _{1994,2013})

Примечания.

¹ Исключены из анализа все категории неработающих респондентов, в том числе: студенты, домохозяйки и занятые в подсобном и домашнем хозяйстве, работающие по иным причинам; исключены крестьяне, фермеры, члены фермерских коллективов.

² Символами "+" и "-" показано соответствие направления шкалы и возрастания искомого признака: плюс — чем выше балл, тем сильнее выражена прекаризация, минус — чем выше балл, тем слабее выражена прекаризация.

³ Отмечен уровень значимости статистического теста: *p < 0,1, **p < 0,05, ***p < 0,01, ****p < 0,001, *****p < 0,0001.

⁴ Количество респондентов, ответивших на данный вопрос, не превышает 25–30% выборки.

⁵ Исключены респонденты с доходами и зарплатами в 5 и более раз превышающими прожиточный минимум, установленный в соответствующем году.

Закономерности и аномалии прекаризации. Для идентификации слоя населения с признаками прекариата использован кластерный анализ, которому предшествовала процедура снижения размерности признакового пространства прекариата.⁹ Наилучшим признан вариант с тремя факторами, объясняющими 55,2% дисперсии.

Фактор 1 (23,7%) – “Фактор благосостояния”. Показывает уровень благосостояния индивида и его семьи, при этом большие значения фактора соответствуют более высокому благосостоянию. Шкала фактора образована тремя переменными – субъективная оценка благосостояния семьи (0,803), субъективная самооценка качества собственной жизни (0,765) и отношение заработной платы к прожиточному минимуму (0,622).

Фактор 2 (16,7%) – “Риск потери работы”. Определяющими в данном факторе являются две переменные – уровень опасений потерять работу (0,728) и количество безработных в ближайшем окружении (0,685). Появление в этом факторе второй переменной весьма показательно, так как демонстрирует, насколько близка индивиду и привычна для него “культура безработного”. Ограниченное влияние на данный фактор имеет также переменная уровня социального капитала (0,306). Ее наличие в составе данного фактора позволяет объяснить ситуацию, когда индивиды с высоким уровнем опасений потерять работу (и сопутствующими признаками) все же не переходят автоматически в группу безработных, а могут определенное время балансировать в состоянии нестабильности.

Фактор 3 (14,8%) – “Фактор дефицита ресурсов”. Шкала фактора образована двумя переменными – нестабильность дополнительного заработка (0,758) и уровень социального капитала (–0,626). Чем больше значение фактора, тем меньшим объемом “страхующих” ресурсов в виде вторичной занятости и социальных связей обеспечен индивид.

На основе этих факторов была получена структура групп (табл. 2).

Индивиды с наибольшей склонностью к прекаризации составляют группу 1, их численность около 27% населения (если рассматривать население в возрасте от 20 до 60 лет). Это индивиды, не являющиеся безработными, но отличающиеся от основного населения по следующим признакам: высокий уровень опасений потери работы (в среднем 3,38 балла по 5-балльной шкале), высокая нестабильность дополнительного заработка в свободное время (средняя оценка 2,91 по 3-балльной шкале, где 1 балл – всегда есть дополнительный заработок, 2 балла – есть периодически, 3 балла – полностью отсутствует), относительно высокое число безработных в ближайшем окружении (оценка 2,15 балла, что соответствует количеству знакомых безработных более 1–2 человек и свидетельствует о погруженности представителей данной группы в “культуру безработицы”).

Для этой группы характерны основные сопутствующие признаки прекариата: низкая и убывающая во времени субъективная оценка собственной жизни (оценка сегодняшней жизни 3,09 балла, жизни 5–10 лет назад – 3,37 балла по 5-балльной шкале), низкий уровень благосостояния (средняя оценка 2,71 балла), как правило, не позволяющий покупать нечто большее, чем еда и одежда. Стоит, однако, обратить внимание, что в группе прекариата не является нулевым уровень социального капитала (1,98 балла по шкале от 0 до 3). Как мы уже отмечали, это не случайно. Именно этот фактор гипотетически является для прекариата одним из “уравновешивающих”, не позволяющих его представителям автоматически переходить в группу хронических безработных.

Специфика прекариата и характерная для его представителей нестабильность хорошо выявляются при сравнении групп 1 и 2. Уровень опасений потери работы во второй группе значительно ниже (3,38 против 1,64, $t = 18,612$), однако различие в зар-

⁹ Факторный анализ методом главных компонент, метод вращения: “варимакс” с нормализацией Кайзера.

Таблица 2

Социальные группы с различным риском прекаризации¹

	Группа 1 (N=258)	Группа 2 (N=262)	Группа 3 ² (N=225)		Группа 4 (N=192)	Парные сравнения: ³ $t_{1,2}$ $t_{1,3}$ $t_{1,4}$
Доля в выборке, %	27,5	28,0	24,0	36,5	20,5	
Социально-демографические характеристики						
Возраст, лет	40,5 (11,0)	40,9 (11,2)	38,0 (9,7)	37,7 (9,4)	37,7 (11,0)	-0,478 2,599** 2,664**
Мужчины, %	46,1	45,0	51,1	53,7	53,1	
Высшее образование, %	27,1	33,6	35,1	36,6	28,3	
Некоторые показатели социального самочувствия						
Уровень опасений потерять работу	3,38 (1,20)	1,64 (0,90)	2,88 (1,34)	4,40 (0,49)	1,85 (1,00)	18,612† 4,245† 14,643†
Нестабильность доп. заработка	2,91 (0,29)	2,96 (0,20)	2,87 (0,34)	2,79 (0,41)	1,98 (0,57)	-2,175* 1,390* 20,811†
Социальный капитал	1,98 (0,54)	1,58 (0,74)	2,34 (0,62)	2,24 (5,78)	2,40 (0,66)	6,979† -6,822† -7,243†
Безработные в ближайшем окружении	2,15 (0,66)	1,27 (0,49)	1,86 (0,74)	1,76 (0,71)	1,58 (0,65)	17,233† 4,469† 9,086†
Властный ресурс в организации	1,21 (0,534)	1,31 (0,602)	1,64 (0,908)	1,63 (0,86)	1,27 (0,589)	-2,064* -6,176† -1,133
Зарплата к прожиточному минимуму	2,29 (1,25)	2,93 (1,93)	5,46 (5,14)	4,62 (0,36)	2,83 (1,67)	-4,506† -9,020† -3,769†
Благосостояние семьи	2,71 (0,74)	3,41 (0,74)	4,05 (0,56)	3,96 (0,51)	3,46 (0,81)	-10,793† -22,798† -10,144†
Социальная самооценка сегодня	3,09 (0,66)	3,59 (0,66)	4,19 (0,55)	4,18 (0,61)	3,56 (0,65)	-8,713† -19,878† -7,549†
Социальная самооценка в период 5–10 лет назад	3,37 (0,75)	3,55 (0,71)	3,85 (0,70)	3,72 (0,79)	3,55 (0,71)	-2,863** -7,285† -2,629**

Примечания:

¹ Использованы данные за 2013 г. Исключены из анализа респонденты моложе 20 лет и старше 60 лет, а также все категории неработающих. Группы выделены на основе кластерного анализа методом k-средних.

² В колонке слева указаны социальные характеристики всей группы; в колонке справа – доля в группе и социальные характеристики подгруппы с особо высоким риском потери работы.

³ Отмечен уровень значимости статистического теста: † $p < 0,1$, * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$, **** $p < 0,0001$.

платах между группами гораздо менее выражено ($t = -4,506$), чем различие в оценках собственной жизни ($t = -8,713$) и благосостояния семьи ($t = -10,793$). Это показывает, что в первой группе колебания зарплаты более критичны для выживания, а во втором случае эти колебания могут компенсироваться более высоким благосостоянием семьи. Кроме того, относительно низкое благосостояние семьи в первом случае может быть следствием нестабильных заработков в длительном периоде.

Интересен ещё один вывод. В группах с относительно высоким благосостоянием и положением в организационной иерархии уровень опасений потерять работу в среднем выше, чем в низкодоходных. По этому показателю высокодоходная группа 3 ближе к прекариату (3,38 и 2,88, $t = 4,245$), чем группы со средним достатком ($t = 18,612$ для группы 2 и $t = 14,643$ для группы 4). Таким образом, мы имеем дело с зоной “аномальной” нестабильности, когда опасение потерять работу испытывают представители материально благополучных слоёв общества. В группе 3 доля лиц с аномально высокой оценкой этого параметра (4 и 5 баллов по 5-балльной шкале) составляет 36,5%.

Как не попасть в прекариат? Заключительным шагом анализа является построение модели, предсказывающей вероятность попадания индивидов в группу прекариата. Этому предшествовала процедура факторного анализа. Его задача состояла в получении набора независимых факторов, позволяющих оценить профиль индивида по его социальному происхождению, образованию и характеру внепроизводственной деятельности. Наилучшим был признан вариант с двумя факторами, позволяющими объяснить 61,3% дисперсии¹⁰.

Фактор 1 (33,9%) – “социального происхождения и культурного капитала”. Шкала фактора образована тремя основными переменными – образование отца и матери (0,775), тип населенного пункта, в котором индивид пошел в школу (0,733) и индексом характера внепроизводственной деятельности (0,653). Ограниченный вклад в данный фактор имеет также уровень образования индивида (0,349).

Фактор 2 (27,4%) – “образования и повышения квалификации”. Образован двумя основными переменными – уровень образования (0,719) и повышение уровня образования с момента входа на рынок труда (0,849). С данным фактором положительно связан индекс характера внепроизводственной деятельности (0,358).

Наряду с двумя указанными факторами в модель был включен социально-демографический блок, дамми-переменная региона проживания и индекс власти, измеренный как количество подчиненных на работе. Модель оценивает вероятность попадания индивида в группу 1 (прекариат) из базовой группы. Было использовано три спецификации модели с различным выбором базы сравнения (1 – все прочие слои общества, 2 – группы, находящиеся в сходной с прекариатом социальной ситуации, но при этом низкими опасениями потери работы, 3 – высокодоходные группы с высокими опасениями потери работы). В модель были включены работающие респонденты в возрасте от 20 до 60 лет (табл. 3).

Модель показывает, что основными дифференцирующими факторами, отличающими прекариат от прочих социальных групп, являются социальное происхождение, задающее уровень культурного капитала, и властный ресурс. Оба фактора (более высокий культурный капитал и властный ресурс) уменьшают вероятность попадания индивида в группу прекариата. Властный ресурс наиболее сильно проявляет себя, когда в качестве базы сравнения выступают высокодоходные группы общества (спецификация модели 3). Если высокодоходные группы исключены из анализа (напр., спецификация 2), то этот ресурс перестает быть значимым фактором, если же они выступают в составе групп с меньшим благосостоянием (спецификация 1), его влияние сохраняется, но ослабевает. Напротив, влияние фактора социального происхождения и культурного капитала сохраняется во всех спецификациях модели.

Интересно, что уровень образования и повышение квалификации индивида значимо не проявили себя ни в одной спецификации модели как самостоятельные факторы. Опосредованно уровень образования входит в фактор происхождения и культурного капитала (уровень образования индивида в среднем выше, если выше уровень

¹⁰ Факторный анализ методом главных компонент, метод вращения: “варимакс” с нормализацией Кайзера.

образования его родителей и ближе к уровню крупных городов место, где прошла его первичная и вторичная социализация).

В спецификациях модели 2 и 3 значимым фактором выступает также возраст респондента, с увеличением которого вероятность попадания в прекариат возрастает. Регион проживания (в модели этот фактор включен в качестве дихотомической переменной “Москва и Санкт-Петербург vs другие регионы РФ”) предсказуемо оказывает отрицательное влияние на эту вероятность – в столичных городах прекариат как явление выражен слабее.

К итогу

Несмотря на наличие в российском обществе социального слоя, который по своим характеристикам близок к прекариату, нельзя сказать, что его границы заметно растут. Напротив, отчетливо наблюдается постепенное ослабевание условий, которые могли бы стимулировать процессы прекаризации. Важно отметить, что анализ не охватывает процессы, спровоцированные системным кризисом 2014 г. Вместе с тем, нельзя говорить об отсутствии прекариата в России. К зоне риска можно отнести порядка 27% работающего населения.

Наряду с прекариатом можно выделить социальные слои с сопоставимым уровнем оплаты труда и положением в организационной иерархии, однако с более низким уровнем опасений потерять работу. Для таких групп характерно более высокое благосостояние семей и совершенно иной тип социального окружения с меньшим числом безработных среди знакомых.

В группах с высоким благосостоянием и положением в организационной иерархии уровень опасений потерять работу нередко может быть выше, чем в низкодоходных, и более близким к соответствующим оценкам для прекариата. Таким образом, нестабильность занятости охватывает две разделённых зоны в социальной структуре – зону “естественной” нестабильности (низкодоходные слои населения, погруженные в “культуру безработицы”) и зону “аномальной” нестабильности (материально благополучные слои общества).

Риск попадания в прекариат определяется не столько уровнем образования, сколько социальным происхождением индивида, связанным с ним культурным капиталом, а также властным ресурсом. По мере увеличения двух этих показателей риск прекаризации снижается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барсукова С.Ю. Нерыночные обмены между российскими домохозяйствами: теория и практика реципрокности. Препринт WP4/2004/02 М.: ГУ ВШЭ, 2004.
- Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002.
- Бизюков П. Что такое прекариат? 01.08.2014. URL: <http://trudprava.ru/expert/article/employart/1182> (дата обращения: 09.07.2015).
- Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В. Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 5–15.
- Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В. Прекариат как новая группа наёмных работников // Уровень жизни населения регионов России. 2015. № 1 (195). С. 47–57.
- Гришнова Е.А., Бринцева Е.Г. Прекаризация как проявление кризисных явлений в социально-трудовой сфере Украины. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2014.
- Занятость и социальная прекаризация в России: введение в анализ: Монография / В.Н. Бобков, О.В. Вередюк, Р.П. Колосова, Т.О. Разумова. М.: ТЕИС, 2014.
- Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
- Коммандер С., Емцов Р. Характеристики безработного // Бедность в России / Под ред. Дж. Кругман. Вашингтон: Всемирный банк, 1998.
- Лыткина Т.С. Социальная биография исключения в постсоветской России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 1. С. 87–109.

- Плюснин Ю.М. "Свои" и "чужие" в русском провинциальном городе // Мир России: Социология, этнология. 2013. Т. XXII. № 3. С. 60–93.
- Роуз Р. Десять лет "Барометру новой России" // Мониторинг общественного мнения. 2002. № 6. С. 14–19.
- Слободенюк Е.Д. Институциональные факторы формирования застойной бедности в современной России // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2014. Т. 6. № 3. С. 146–159.
- Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Маргинем Пресс, 2014.
- Супяев В. Рынку труда пора стать стимулом экономического развития // Финансовые известия. 4 мая 1995. № 31 (160). С. 1–3.
- Тощенко Ж.Т. Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3–13.
- Тихонова Н.Е. Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 2003.
- Тихонова Н.Е. Феномен бедности в современной России // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 7–19.
- Чернина Н.В. Бедность как социальный феномен российского общества // Социологические исследования. 1994. № 3. С. 54–60.
- Чернина Н.В. Социальные проблемы безработных (Новосибирская область) // Социологические исследования. 1996. № 11. С. 91–98.
- Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2012.
- Шкаратан О.И., Давыдова Н., Мэннинг Н., Сидорина Т.Ю., Тихонова Н.Е. Государственная социальная политика и стратегия выживания домохозяйств. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2003.
- Шкаратан О.И. Социальное расслоение в современной России: драма расколотого общества // Мир России. 2004. № 1. С. 3–48.
- Шкаратан О.И., Ильин В.И. Социальная стратификация России и Восточной Европы. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2006.
- Bourdieu P. Acts of Resistance. Against the New Myths of our Time, Cambridge: Polity Press, 1998.
- Butler J. Precarious Life: The Powers of Mourning and Violence. New York: Verso, 2004.
- Frase P. The Precariat: A Class or a Condition? // New Labor Forum. 2013. 22(2). P. 11–14.
- From precarious work to decent work: outcome document to the workers' symposium on policies and regulations to combat precarious employment / International Labour Office, Bureau for Workers' Activities. Geneva: ILO, 2012.
- Jonsson I., Nyberg A. Sweden: precarious work and precarious unemployment // Gender and the Contours of Precarious Employment / Ed. by L.F. Vosko et al. New York: Routledge, 2010. P. 194–210.
- Mansel J., Heitmeyer W. Precarity, Segregation, and Poverty in the Social Space – Overview of the Research Status. 2010. URL: <http://www.difu.de/publikationen/precariety-segregation-and-poverty-in-the-social-space.html> (дата обращения: 09.07.2015).
- McKay S. et al. Study on Precarious Work and Social Rights. London: Working Lives Research Institute, London Metropolitan University, 2012.
- Millar K. The Precarious Present: Wageless Labor and Disrupted Life in Rio de Janeiro, Brazil // Cultural Anthropology. 2014. № 29.1. P. 32–53.
- Neilson B., Rossiter N. Precarity as a Political Concept, or, Fordism as Exception // Theory, Culture & Society. 2008. Vol. 25. № 7–8. P. 51–72.
- Neilson D. Class, precarity, and anxiety under neoliberal global capitalism: From denial to resistance // Theory & Psychology. 2015. Vol. 25(2). P. 184–201.
- Pilling D. Japan is creating jobs but workers do not prosper. Casualisation of the workforce is stifling the reflationary experiment // Financial Times. 2014. September 10.
- Ross G. A precariat charter: from denizens to citizens // Labor History. 2015. 56 (1): 101–103.
- Savage et al. A New Model of Social Class? Findings from the BBC's Great British Class Survey Experiment // Sociology. 2013. № 47(2). P. 219–250.
- Social justice from farm to fork. Proposal for an EFFAT campaign EFFAT Roadmap on implementing the Charter against Precarious Work. Draft decision for the Executive Committee on 20 and 21 April 2010. URL: http://www.precarious-work.eu/sites/default/files/effat/files/publications/EFFAT_Roadmap_Precarious_Work_EN.pdf (дата обращения: 09.07.2015).
- Standing G. Why measured unemployment in Russia is so slow: the net with many holes // Journal of European Social Policy. 1994. № 4(1). P. 35–49.
- Standing G. Social Protection in Central and Eastern Europe: a Tale of Slipping Anchors and Torn Safety Nets // Welfare states in transition: National adaptations in global economies, ed. By Gøsta Esping-Andersen, London: Sage, 1996.
- Standing G. Why zero-hours contracts remind me of the horrors of 1990s Russia // The Guardian. 2013. 9 April.
- Standing G. The Precariat: The New Dangerous Class. London, New York: Bloomsbury Academic, 2011.
- Tucker D. Precarious' Non-Standard Employment – a Review of the Literature. Working paper of Labour Market Policy Group. 2002. URL: <http://www.dol.govt.nz/pdfs/PrecariousNSWorkLitReview.pdf> (дата обращения: 09.07.2015).